

Неологизмы в письмах Н.С. Лескова

© Ю.Г. ЗАХАРОВА,

кандидат филологических наук

На материале писем Н.С. Лескова рассматриваются лексические неологизмы, образованные от исконно русских и заимствованных слов в русском литературном языке второй половины XIX века.

Ключевые слова: неология, лексический неологизм, письма русских писателей, развитие лексической системы русского литературного языка XIX века.

DOI: 110.31857/S013161170001259-3

On the material of N. Leskov's letters lexical neologisms derived from native Russian and borrowed words in the Russian literary language of the second half of the XIX century are considered.

Keywords: neology, lexical neologism, letters of Russian writers, development of lexical system of the Russian literary language of the XIX century.

Неология русского языка XIX века – перспективная область исторической лексикологии. Неологизмы в русском языке этой эпохи – один из главных объектов внимания для составителей Словаря русского языка XIX века. Письма Н.С. Лескова содержат интересный материал для изучения как узуальных, так и окказиональных новых слов во второй половине XIX века.

Настоящее исследование посвящено лексическим неологизмам 50–90-х годов XIX века, то есть новым для рассматриваемого периода в развитии русского языка словам, образованным от исконно русских и заимствованных основ по продуктивным словообразовательным моделям. Новизну слова в

рассматриваемый период, прежде всего, позволяет определить отсутствие его в литературных, публицистических и прочих источниках на определенном хронологическом срезе и дальнейшее появление у разных авторов с нарастающим частотой употребления. Лексические неологизмы редко находят отражение в словарях в начале своего употребления. В связи с этим важным признаком, позволяющим судить о новизне лексемы, является отсутствие ее фиксации в словарях и появление в лексикографических источниках более позднего времени. Показателем новизны слова может быть глоссирование в текстах: оно свидетельствует о необходимости пояснять значение слова, известности не всем носителям языка. В ряде случаев о новизне лексемы может говорить заключение ее в кавычки или подчеркивание.

Большой пласт неологизмов 50–90-х годов XIX века составляют в письмах Лескова отвлеченные существительные. Это неслучайно, поскольку класс абстрактной лексики активно формировался в русском языке в этот период.

Судя по материалам словарей, самый продуктивный словообразовательный тип был представлен отвлеченными существительными с суффиксом *-ость*, образованными от прилагательных. В письмах Лескова представлены неологизмы: интеллигентность, интимность, портиативность, вульгарность, резонность, тенденциозность, претенциозность, цензурность, щепетильность, фривольность и др.

Слово *интеллигентность* встречается в одном из писем Лескова Л.Н. Толстому: «Прочитал теперь Гелленбаха, который мне попался под руку перед выездом из Петербурга. <...> Пять лет тому назад он мне ничего не открывал, а теперь я извлек из него много отрады и утешения. Особенно это о врожденной интеллигентности...» (Л.Н. Толстому, 1891 г.) [4. 11. С. 493].

В.В. Виноградов отмечал, что существительное *интеллигенция* в значении, близком к современному, появилось в русском литературном языке в 60-е годы XIX века, однако в это время оно не получило широкого распространения и в словарях отражения не нашло [1. С. 227]. Существительное *интеллигенция* появляется во втором издании Словаря В.И. Даля (1881 г.), а интеллигент и производное от него прилагательное *интеллигентный* — только в третьем издании под редакцией И.А. Бодуэна-де-Куртенэ (1905 г.). Отвлеченное существительное *интеллигентность* в словарях начала XX века не фиксируется. Материал «Национального корпуса русского языка» свидетельствует о том, что слово *интеллигентность* стало употребляться в русском языке с конца 80-х годов XIX века и первоначально имело значение «образованность, начитанность, умственная развитость». Разные авторы часто берут слово в кавычки, подчеркивая этим и его новизну, и ироническое отношение к нему: «Ж.Ж. Руссо был идеальный и оптимистический утилитарист, т.е. он желал сделать всех людей весьма счастливыми и весьма моральными и верил в возможность осуществить этот идеал. Он находил, что мелкая многокнижность и, говоря

по-нынешнему (т.е. скверно, по-хамски), “*интеллигентность*” не дает обществу ни того ни другого — ни благоденствия, ни морали» (К.Н. Леонтьев. Владимир Соловьев против Данилевского (1888)) [5]. «Вообще, даже в лучших своих вещах г. Горький не в силах скрыть того, что он человек образованный, — в плохих же его начитанность, его “*интеллигентность*” так и прет в глаза, нагоняя тоску. Герои и героини, если это из образованного класса, то все архиинтеллигентные» (М.О. Меньшиков. Красивый цинизм. М. Горький. Рассказы. СПб., 1900 (1900)) [Там же].

Приведенный выше пример из письма Лескова свидетельствует о формировании у слова *интеллигентность* нового ядерного компонента значения, свойственного современному русскому языку: «большая внутренняя культура», ср. *интеллигентный* — «принадлежащий к интеллигенции, а также вообще обладающий большой внутренней культурой» [6. С. 249]. О расширении значения говорит новая сочетаемость — *врожденная интеллигентность*. Лесков имел в виду высокий нравственный уровень человека.

Существительное *интимность* впервые фиксируется в Словаре иностранных слов Н.А. Чудинова (1894). Первый пример в «Национальном корпусе» датируется 1870-м годом. Слово могло появиться в русском языке двумя путями: непосредственно было образовано при помощи суффикса *-ость* от прилагательного *интимный*, производного от французского *intime*, или представляло собой словообразовательную кальку с французского отвлеченного существительного *intimité*. Ю.С. Сорокин обратил внимание на то, что для отвлеченных существительных с суффиксом *-ость* было характерно как «абсолютивное» (независимое) употребление, так и «зависимое» (в составе словосочетаний с родительным падежом). В «абсолютивном» употреблении они приобретали «значение более конкретное, становились самостоятельными знаками особого понятия» [9. С. 189]. Именно такое употребление слова можно наблюдать в одном из писем Н.С. Лескова: «много, много говорил о «любивой переписке, найденной, по словам Ю<рия> Ф<едоровича>, в Московском иезуитском доме». Он отклоняет «любивый» характер найденных писем и говорит, что это просто «нехорошо перетолкованная *интимность*, дружеская короткость и т. п.»» (И. С. Аксакову, 1875 г.) [4. 10. С. 418]. Существительное *интимность* здесь употреблено в значении «тесная дружба, близкие отношения между людьми», только это значение отражено в Словаре Н.А. Чудинова. Для современного русского языка свойственно более отвлеченное значение «задушевность, близость» [10].

Интересно употребление слова *портативность* в письмах Лескова. Это существительное долго не получало отражения в словарях, впервые оно появилось в толковом словаре Д.Н. Ушакова (1935—1940). Прилагательное *портативный* фиксируется в словарях иностранных слов Ф.Павленкова и М. Попова с 1907 года со значением «удобный для ношения при себе». Контексты писем Н.С. Лескова показывают, что в его употреблении в существительном *портативность* произошла нейтрализация одной из ядерных

сем — «переносной характер», под портативностью писатель понимает простоту, применимость на практике учения Л.Н. Толстого: «Замечания попа <...> очень почтительны, но мало интересны. Все они напоминают недавний спор наших ученых медиков, при котором эти никак не могли отличать полезности одного оперативного инструмента от его “*портативности*”. <...> Надо жить так, как у Вас сказано, а всякий понеси из этого сколько можешь. А если писать иначе, по-ихнему, то трактат пойдет уже не о “полезности”, а о *портативности* и о приспособительности» (Л. Н. Толстому, 1893 г.) [4. 11. С. 552]. Прилагательное *портативная* в хронике «Захудалый род» Лесков употребляет по отношению к женщине в значении «миниатюрная и легкая», что говорит об актуализации периферийных сем: «Дон-Кихот не мог взять на руки своей жены и перенести ее домой: он был еще слаб от болезни, а она не слишком *портативна*» [Там же. 5. С. 95].

Преобразование значения французского корня *portatif*- было характерно не только для речи Лескова, ср. *портативный* — «удобный» (расширение значения): «Деревенские заказчики были без ума от работы отца. Им он главным образом изготовлял “холодные калоши” — это чрезвычайно *портативный* вид обуви, главным образом для грязного времени. Удобство их надевания: стоят такие калоши, воткнул в них с налету мужик или баба ноги и пошел» (К.С. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 1. Хлыновск (1930)) [5]. *Портативный* — «легко запоминаемый и передаваемый из уст у уста» (формирование переносного значения): «Эти фразы изготовлялись во внутренней лаборатории Билибина, как будто нарочно *портативного* свойства, для того чтобы ничтожные светские люди удобно могли запоминать их и переносить из гостиных в гостиные» (Л.Н. Толстой. Война и мир) [11]. *Портативность* — «состояние, в котором человек не может передвигаться самостоятельно, его можно только перенести» (формирование переносного значения): «Ох напьюсь же я! Вдрызг, до чертиков, до *портативности*» (О.Н. Ольне. Трясина. 1914) [3].

Слово *тенденциозность* стало активно употребляться в русской критике с 70-х годов XIX века, однако оно тоже поздно нашло отражение в словарях. Судя по одному из писем Лескова, в 80-е годы в русском языке уже сформировалось обладающее яркой отрицательной оценочностью значение «предвзятость в проведении какой-либо идеи, не получившей подтверждения, художественного оправдания в самом содержании произведения» [8. 15. С. 269]. Писатель отвечает на нападки критиков за роман «Некуда», привлекая этимологию слова: «Я терпел самые тяжелые укоризны именно за то, что списал то, что было, и потом это же самое вменено мне в “*тенденциозность*”, которою попрекают меня и доселе. Тенденция от французского *tendance* или от латинского *tendere* значит тянуть, стремиться, иметь склонность, направление. К чему же я тянул в «Некуда»? <...> Я ни к чему не тянул. Я только или описывал виденное и слышанное, или же развивал характеры, взятые из действительности» (Открытое письмо к П.К. Шебальскому, 1884) [4. 11. С. 229–239].

В письме Лескова 1893 года встречается слово *претенциозность*: «Без сомнения, должно же быть видно во мне что-то такое, что дает указание на мое высокое мнение о себе и о желании равняться с Т-м? <...> Без сомнения, во мне есть что-то чрезвычайно противное и кидующееся в глаза своею *претенциозностью!*» (Л.И. Веселитской, 1893) [Там же. С. 34–535]. Это один из первых примеров употребления данной лексемы в русском языке. Прилагательное *претенциозный* (восходящее к французскому *prétentieux*, *-se*) и производное от него на русской почве отвлеченное существительное *претенциозность* стали употребляться в 90-е годы [12. 2. С. 66]. В Большом академическом словаре русского языка существительное *претенциозность* фиксируется со значением «вычурность, манерность», однако контекст письма Лескова говорит о том, что в конце XIX века это слово употреблялось в ином значении – «требовательность, неуместно высокая самооценка». Это значение отражено в Словаре иностранных слов М. Попова (1907) [7].

Слово *щепетильность* появилось в русском языке в середине XIX века, а словарную фиксацию получило только в 1909 году [2. 4. С. 1502] Оно пережило долгую эволюцию значения наряду с прилагательным *щепетильный*, от которого было произведено. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, современное значение этого слова («строгая принципиальность до педантичности, корректность в отношении с кем-либо или по отношению к чему-либо») окончательно сформировалось только в последние десятилетия XIX века [9. С. 533].

Письма русских писателей, датируемые 70-ми годами XIX века, подтверждают вывод Ю.С. Сорокина: прилагательное *щепетильный* и производные от него еще не пережили специализации значения, они сохраняют отрицательную оценочность. В письмах Ф.М. Достоевского встречаются такие примеры: *напыщенная и щепетильная статья* («содержащая излишне мелочную, придирчивую критику»); *ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целостности и своем спокойствии* («мелочная озабоченность своим благополучием»); *щепетильно наклонный требовать исполнения долгов* («мелочно», «придирчиво»); *ну к чему ты так разобиделся, так защепетилился?* («стал мелочно обидчив»). Лесков в одном из своих писем употребляет существительное *щепетильность* в значении «моральная брезгливость, педантичная придирчивость в отношении к человеческим порокам»: «Порищая их и осмеивая в печати, в жизни я не имел никогда силы сторониться от этих жалких и трижды жалких межеумков. Этого рода *щепетильность* мне глубоко противна... Умно это или глупо – это мне все равно; но незапятнанный “друг грешников” никого не сторонился, а я сам гадок, сам нравственно квол и всех пороков достаточно исполнен, так поэтому мне претила мысль о всякой брезгливости» (И.С. Аксакову, 1875 г.) [4. 10. С. 390].

В XIX веке в русском языке появилось немало нарицательных существительных, мотивированных собственными именами. Особую группу

среди них составляют отвлеченные существительные или наименования лиц, образованные от собственных имен вдохновителей тех или иных идеологических течений, общественных направлений, например, *гегелианство, кантианство, шеллингианство; гегельянец, кантианец, петрашевец, ткачевец, нечаевец* и др. [9. С. 243]. В 80-е годы XIX века окончательно сложилось религиозно-философское учение Л.Н. Толстого. Лесков поддерживал с Л.Н. Толстым дружеские отношения, горячо поддерживал его идеи, которые нередко обсуждались в переписке. В одном из писем Лесков употребил слово *толстовство*, заключил его в кавычки, подчеркнув этим новизну понятия и негативную коннотацию слова, связанную, прежде всего, с отрицательным отношением к толстовству церкви и государственной власти: «Но это небошь называется “*толстовство*”, а то, нимало не сходное с учением Христа, есть “*православие*”... Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство!» (Л.И. Веселитской, 1893 г.) [4. 11. С. 529]. В письмах Лескова 1893 года встречаются также неологизмы *толстовец, толстовка*: «Роман Баранцевича начинает меня интересовать, так как там есть усилие изобразить “*толстовца*”, и для модели взят Пав<ел> Ив<анович> Бирюков»; «До свидания, дорогой и уважаемый друг, – не *толстовка*, не Титания и не что-либо иное, “еще можно есть изрещи на языке человеческом” (Л.И. Веселитской, 1893 г.) [4. 11. С. 541, 543].

Письма Лескова помогают лучше понять историко-культурную обстановку, в которой создавались произведения писателя. Они представляют собой еще и ценнейший лингвистический источник, позволяющий увидеть живое развитие русского литературного языка второй половины XIX века.

Литература

1. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртене. М., 1903–1909.
3. *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gallicismes.academic.ru/>
4. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в 11 томах. М., 1956–1958.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search1.ruscorpora.ru/search.xml>.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
7. *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru>
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1950–1965.

9. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX в. М.-Л., 1965.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М., 1935–1940 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru>
11. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. В 8 т. М., 1996 Т. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/11/p.35/index.html/>
12. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1999.

Тихоокеанский государственный университет
